

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-2-11

Китай как донор помощи промышленному развитию стран Юга: значение для постиндустриализации его экономики

Денис Борисович КАЛАШНИКОВ

кандидат экономических наук, старший преподаватель, кафедра мировой экономики

Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России, 119454, проспект Вернадского, д. 76, Москва,
Российская Федерация

E-mail: d.kalashnikov@inno.mgimo.ru

ORCID: 0000-0002-1120-0054

ЦИТИРОВАНИЕ: Калашников Д.Б. (2021) Китай как донор помощи промышленному развитию стран Юга: значение для постиндустриализации его экономики // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 14. № 2. С. 195–213. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-2-11

Статья поступила в редакцию 07.12.2020.

АННОТАЦИЯ. Продолжается дискуссия об истинных целях и целесообразности оказания Китаем помощи странам Юга. В настоящей статье проверяется гипотеза, раскрывающая взаимосвязь перехода Китая на инновационную модель развития и его заинтересованность в индустриализации наименее развитых стран. Анализируются задачи модернизации экономики и национальные экономические интересы Китая в условиях современного международного разделения труда. Чтобы обеспечить рост доходов населения до уровня развитых стран, требуется создание постиндустриальной отраслевой структуры экономики. Это означает, что ряд индустриальных функций необходимо передать таким отсталым странам, которые без китайских капитала и технологий не способны осуществить индустриализа-

цию. Кроме того, для Китая актуальна проблема равновесия платежного баланса, решением которой является увеличение импорта простых товаров и осуществление прямых инвестиций в рамках китайских глобальных цепочек стоимости. Анализ направлений и первых результатов подтвердил вклад китайской помощи развитию в решение этих задач, а также ее системный характер в рамках инициативы «Один пояс – один путь». Инициатива координирует строительство электростанций, всех видов инфраструктур, а на их основе развития промышленности и потребления под контролем китайских компаний. Поэтому все виды безвозмездной или льготной помощи странам Юга можно считать инвестициями в развитие экономики Китая, которая вышла за пределы национальных границ. При этом участие в инициати-

ве несет выгоды и перспективы роста вплоть до уровня современной КНР самым отсталым странам, но не создаст возможностей роста странам с уже развитой промышленностью и средним уровнем жизни – напротив, сокращает им пространство для осуществления постиндустриализации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *иностранная помощь, национальные интересы, официальная помощь развитию, сотрудничество Юг – Юг, система мирового хозяйства, Африка, Китай, «Один пояс – один путь»*

Китай известен своей прагматичностью и целеустремленностью, долгосрочным характером стратегии развития, поэтому в настоящем исследовании сделана попытка выявить экономический смысл китайской помощи развитию, отталкиваясь от задач модернизации его собственной экономики в условиях современного международного разделения труда, на основе чего конкретизируются его национальные интересы, в свою очередь определяющие цели китайской помощи развивающимся странам (странам Юга). Далее анализируются планы и действия КНР по реализации помощи развитию в контексте соответствия целям его собственного развития и выгоды участников китайских проектов. Затем оцениваются проблемы и перспективы взаимодействия Китая со странами Юга.

Традиционные доноры, страны – члены Комитета содействия развитию (КСР) ОЭСР, применяют термин «официальная помощь развитию» (ОПР). Ее состав и методика расчета постоянно уточняются¹, и эксперты признают, что

определение ОПР ОЭСР далеко от совершенства, существует большое количество разночтений в подсчете и сравнении помощи [Дегтерев и др. 2018].

Настоящее исследование ставит целью макроэкономический анализ мотивации «благотворительности» Китая и ее вклада в трансформацию национальной экономики, поэтому основной акцент делается на выявлении экономического смысла происходящих процессов, а не на особенностях расчетов. Соответственно, под «помощью развитию» будем подразумевать ОПР в широком смысле – помощь иностранным государствам, которая предоставляется субъектом государственного сектора, носит безвозмездный или льготный характер и содействует развитию реципиента. В отличие от гуманитарной помощи, ОПР обязательно должна преследовать и интересы донора, быть взаимовыгодной, в долгосрочной перспективе приносить пользу как получателям, так и Китаю [Martorano et al. 2020].

В поисках экономической выгоды

Значительный объем исследований китайской помощи развитию посвящен оценке ее вклада в экономический рост стран-реципиентов. Например, на основе анализа более 2 тыс. проектов помощи КНР в 47 странах Африки в 2003–2013 гг. выявлено их в целом положительное воздействие. Но оно варьируется в зависимости от назначения: помощь, инвестируемая в социальную и экономическую инфраструктуру, а также предназначенная правительству для поддержки бюджета, существен-

1 Development Finance Standards // ОЭСР // <http://www.oecd.org/development/financing-sustainable-development/development-finance-standards>, дата обращения 22.11.2020.

но способствует росту ВВП, в то время как помощь производственному сектору отрицательно влияет на рост ВВП [Dong, Fan 2020]. Авторы объяснили это тем, что у субсидируемых предприятий меньше стимулов для повышения эффективности.

В другом исследовании авторы показали, что помощь, направленная в производственный сектор, тоже выгодна реципиентам, но также сделали предупреждение, что рассмотрение только общей помощи Китая Африке может ввести в заблуждение относительно ее основных детерминант, и указали на необходимость дезагрегировать анализ по секторам [Guillon, Mathonnat 2020]. Так, богатые природными ресурсами страны получают наибольшую помощь, но максимальная помощь производственному сектору наблюдается в странах, которые не богаты природными ресурсами.

Ряд исследований посвящен воздействию ОПР на развитие внешней торговли стран-получателей. Установлено, что помощь способствует росту экспорта реципиентов в Китай и страны ЕС, но также и росту импорта из США. При этом доказано, что страны, получающие китайскую помощь, увеличивают двусторонний экспорт промышленных, а не сырьевых товаров [Savin et al. 2020].

Важнейшей темой является поиск экономической выгоды доноров. В первую очередь отмечают вклад помощи в обеспечение занятости. С одной стороны, масштабное зарубежное строительство энергетической инфраструктуры обеспечивает заказами тяжелую промышленность КНР [Епихина 2019]. Но более важная сторона – решение проблемы дефицита рабочей силы. Китай уже к концу 1990-х гг. исчерпал свое сравнительное преимущество, позволявшее быть конкурентоспособным в трудоемких отраслях, рабочая сила

стала дефицитной, и следующие 20 лет Китай использовал «преимущество отсталости», т. е. доводил промышленность до передового в мире уровня, а теперь, на современном (третьем) этапе, может быть конкурентоспособным только благодаря собственным инновациям [Борох, Ломанов 2020]. Китай находится в опасной ситуации, когда постиндустриализация должна пройти в условиях недостаточного высоких подушевых доходов и стареющего населения. Поэтому нужно избежать ошибок поспешной деиндустриализации развитых стран, но все-таки снизить долю промышленности в ВВП с нынешних 40 до 25% к 2030 г. [Huang 2019].

Широкий спектр проблем, с которым сталкиваются все новые доноры в странах Юга – от правоохранных и эпидемиологических вопросов до терроризма и угроз в связи со сменой власти, от непонимания целей помощи некоторыми группами китайского общества до информационной войны западных СМИ, – исследован в фундаментальной монографии под ред. Л.М. Капицы [Капица 2013].

Стоящая перед КНР проблема постиндустриализации усложнилась после мирового финансового кризиса 2008 г. и обострения конкуренции экспортных товаров с европейскими и американскими аналогами. В качестве институциональной программы решения макроэкономических проблем возникла инициатива «Один пояс – один путь» (ОПОП), которая является задачей со многими неизвестными даже для Китая [Liu et al. 2020]. Так, непонятно, смогут ли китайские регионы интегрироваться через китайские Глобальные цепочки стоимости (ГЦС) в мировое хозяйство; не начнется ли неконтролируемое деление этих ГЦС по мере распространения в десятках стран; смогут ли создаваемые китайскими компаниями порты и специальные эконо-

мические зоны создавать добавленную стоимость или будут малозначимыми обслуживающими узлами.

Наконец, популярной темой является влияние помощи Китая на действия других доноров. До 2000 г. помощь новых доноров практически не влияла на условия работы КСР ОЭСР и Всемирного банка. Однако с начала тысячелетия, по мере активизации КНР как донора, Всемирный банк реагирует, предлагая кредиты дешевле и с меньшим набором условий [Hernandez 2016].

Китай – «старый новый» донор помощи развитию: от политики к экономике

С 1950-х гг. КНР использовала помощь как инструмент внешней политики, практически покупала международное признание развивающихся стран, добивалась разрыва дипломатических отношений реципиентов с Тайванем, воздействовала на результаты их голосования по получению членства в международных организациях вместо Тайваня.

Примечательно, что если первые шаги делались при поддержке СССР, то последующие – как противодействие «советскому ревизионизму» и попытка оторвать от СССР часть социалистического лагеря, что определило круг получателей в виде Албании, Северной Кореи, Вьетнама, Монголии, Египта. Первым крупным зарубежным проектом Китая было строительство железной дороги между Танзанией и Замбией в 1967–1976 гг.

В 1964 г. премьер-министр КНР Чжоу Эньлай сформулировал восемь глубоких и емких принципов эконо-

мической помощи зарубежным странам², которые соблюдаются Китаем по настоящее время и во многом объясняют специфику его современной стратегии:

1. Принцип равенства и взаимной выгоды: Китай никогда не рассматривает помощь как одностороннюю милостыню, а только как нечто взаимное.
2. Китайское правительство уважает суверенитет стран-получателей и никогда не ставит никаких условий.
3. Китай предоставляет экономическую помощь в форме беспроцентных займов или займов под низкие проценты.
4. Цель китайского правительства не в том, чтобы поставить страны-получатели в зависимость от Китая, а в том, чтобы помочь им встать на путь самообеспечения и независимого экономического развития.
5. Помочь странам-получателям завершить проекты, которые требуют меньше инвестиций, но дают более быстрые результаты, чтобы последние могли увеличить свой доход.
6. Правительство Китая предоставляет оборудование и материалы высокого качества китайского производства.
7. Предоставляя техническую помощь, следить за тем, чтобы персонал страны-получателя полностью овладел технологией.
8. Эксперты, посланные Китаем для помощи в строительстве в странах-получателях, будут иметь такие же условия проживания, как и специалисты страны-получателя.

2 China's Eight Principles for Economic Aid and Technical Assistance to Other Countries (1964) // Government of China // http://english1.english.gov.cn/official/2011-04/21/content_1849913_10.htm, дата обращения 22.11.2020.

Отталкиваясь от целей, китайские ученые традиционно выделяли три этапа становления КНР как донора помощи развитию; в настоящее время добавился четвертый этап [Remler, Yu 2017, глава 8]:

- 1) 1955–1978 гг. Преобладание политических целей.
- 2) 1978–2000 гг. Добавляются экономические цели.
- 3) 2000–2013 гг. Институционализация и рост масштабов помощи, преобладание экономических целей.
- 4) С 2013 г. помощь развитию становится элементом инициативы ОПОП, добавляется требование приверженности получателей ее идеям и ценностям.

Таким образом, китайские ученые декларируют приоритет экономических целей. Однако в синологической литературе по-прежнему распространено мнение о приоритетном значении политических целей современной помощи Китая, таких как сдерживание Тайваня, противодействие Германии и Японии входу в состав постоянных членов Совбеза ООН, «приобретение» поддержки в территориальных спорах в Южно-Китайском море. А среди экономических целей наибольшее распространение получила версия предоставления Китаем помощи для доступа к ресурсам [Carter 2017].

Чтобы разобраться в глубинных задачах китайской помощи развитию на современном этапе, а также в вопросе, почему она является частью инициативы ОПОП, попытаемся сформулировать задачи развития экономики КНР и ее национальные экономические интересы (НЭИ) в странах Юга.

Современное международное разделение труда и национальные экономические интересы Китая

В 1978 г., когда Китай начинал экономические реформы, ориентиром для целей развития служили «промышленно развитые страны» того времени. Китай поставил и успешно выполнил задачи модернизации экономики: преодолел голод, нищету и безграмотность, добился роста благосостояния всех членов общества, создал современную промышленность. В отраслевой структуре ВВП и занятости произошел сдвиг от аграрного сектора к промышленности, большинство китайцев стали городскими жителями, т. е. современный Китай стал таким, какими были развитые страны 40 лет назад.

В октябре 2020 г. состоялся Пятый пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Китая 19-го созыва, на котором были одобрены рекомендации по разработке следующего, 14-го, пятилетнего плана социально-экономического развития (2021–2025 гг.) и перспективных целей – технологического лидерства и повышения благосостояния общества до качественно нового уровня жизни³.

Постиндустриальная структура экономики и высокий уровень жизни населения развитых стран являются результатом их экономической политики. Она заключается в извлечении выгод от участия в международном разделении труда (МРТ) и направлена на то, чтобы не производить в стране все подряд, а освободить свои рабочие руки, «умы», рабочее время, природные ресурсы от производства то-

3 Коммюнике Пятого пленума ЦК КПК 19-го созыва (2020) // Посольство Китайской Народной Республики в Российской Федерации. 13 ноября 2020 // <http://ru.china-embassy.org/rus/ggl/t1832267.htm>, дата обращения 24.11.2020.

варов и услуг, не создающих большую добавленную стоимость (ДС). При этом производство дешевых товаров и услуг следует перенести в другие страны так, чтобы не утратить контроля над ними.

Для осуществления этой цели развитые страны осуществили работу по либерализации торговли и, главное, международного движения капитала. Это позволило ТНК развитых стран путем осуществления прямых инвестиций приобретать права собственности на реальные активы и месторождения за рубежом, получая контроль над вынесенными в другие страны отраслями промышленности.

Современные ТНК научились контролировать иностранные предприятия и целые отрасли даже без инвестиций и прав собственности, создав пространственное разделение производства, где идея отделяется от ее воплощения, или ГЦС. Расчленение производства товара на ряд операций, вынесенных за пределы компании-владельца торговой марки, позволяет ставить иностранные предприятия в полную зависимость от ТНК поставками комплектующих, а еще сильнее – зависимостью от сбыта продукции на богатом домашнем рынке страны базирования ТНК.

Если на первом этапе модернизации китайской экономики – индустриализации – наблюдался симбиоз НЭИ Китая и развитых стран, которые, благодаря такому союзу, смогли стать постиндустриальными, то на втором этапе модернизации китайской экономики – постиндустриализации – наблюдается столкновение их НЭИ, началось противодействие приходу конкурирующих высокотехнологичных товаров и китайского капитала на западные рынки. Даже самые высокотехнологичные фирмы КНР не продвигаются дальше низкооплачиваемых опера-

ций ГЦС развитых стран. Приобретение Китаем западных компаний, торговых марок, патентов не обеспечивает сохранения мест в ГЦС, которые они занимали до приобретения [Великая экономическая шахматная доска 2019]. Таким образом, перед Китаем стоит задача создания новых рынков для своих высокотехнологичных товаров и услуг, а также пространства, на которых его ТНК могли бы строить подконтрольные им ГЦС.

Отдельно стоит обозначить проблему равновесия платежного баланса КНР. Главная формула макроэкономики показывает, что созданный ВВП расходуется на конечное потребление и валовое сбережение, последнее представляет собой сумму валового накопления и чистого экспорта. Это означает, что чем больше разница между экспортом и импортом страны, тем меньше у нее остается возможностей для развития, обновления существующих и создания новых основных фондов. С другой стороны, положительное сальдо текущего счета, основу которого создает чистый экспорт, должно уравниваться оттоком капитала, что и происходило в Китае на протяжении 1994–2014 гг. в виде приобретения неработающих избыточных резервных активов. Теоретически эти резервные активы можно было бы рассматривать как источник прямых инвестиций, с помощью которых китайские ТНК могли бы вносить вклад в развитие национальной экономики. Однако на практике Китай столкнулся с проблемой использования резервных активов. Развитые страны позволяют китайским компаниям осуществлять симметричные прямые инвестиции в обмен на паритетный доступ их капитала на такие же суммы и в такие же отрасли в КНР. Так, в 2009–2018 гг. потоки прямых инвестиций в Китай и из Китая составили одинаковые сум-

мы – по 1,2 трлн долл.⁴ Таким образом, перед Китаем стоит задача использования резервных активов и новой экспортной выручки на цели развития национальной экономики, для чего требуется существенно увеличить импорт, прежде всего массовых потребительских товаров с низкой ДС, а также расширить сферу приложения прямых инвестиций.

Инициатива «Один пояс – один путь» – план постиндустриализации Китая на основе индустриализации стран Юга

Для преодоления обозначенных проблем создания постиндустриальной отраслевой структуры экономики как ответ на вызовы прозападной глобализации была разработана инициатива «Один пояс – один путь» – комплексный план, очередной этап экономической модернизации Китая [Калашников 2020]. Инициатива способствует индустриализации развивающихся стран на основе электрификации, позволяющей создавать многоотраслевые производственные комплексы и рынки, где китайские компании координируют использование ресурсов и инфраструктуры между участвующими в китайских ГЦС странами. Таким образом, китайские капиталовложения и помощь развитию стран Юга можно рассматривать как инвестиции в развитие собственной экономики, которая вышла за пределы национальных границ.

Участие в китайской инициативе наиболее выгодно самым отсталым странам, в которых только начнется индустриализация с помощью КНР.

Именно у таких стран НЭИ совпадают с китайскими, они получают уникальную возможность вырваться из нищеты, достичь уровня жизни современных промышленно развитых стран, повторить симбиоз Китая и стран Запада.

Что может предложить Китай индустриально развитым странам, например России, кроме перехода на китайские стандарты и технологии в рамках низших звеньев его ГЦС? Даже если Китай не будет стремиться к глобальному лидерству, сотрудничество с ним не предполагает содействия постиндустриализации партнеров. Перед Россией стоит задача качественного реформирования экономики, идентичная китайской, которая может быть реализована исключительно на основе собственной инновационной системы и подобного инициативе ОПОП участия в МРТ с созданием своими ТНК ГЦС и новых рынков. Это значит, что чем больше стран присоединится к китайской инициативе, тем труднее будет другим странам с развитой промышленностью осуществить переход к постиндустриальному обществу, отыскать белые пятна на экономической карте мира. С точки зрения НЭИ Китай и такие страны – конкуренты. Кроме того, отказ Китая от роли «мировой фабрики» означает обострение борьбы за производственные площадки и со стороны развитых стран, для замены китайского импорта.

Почему во многих странах до сих пор не произошла индустриализация? В качестве основной причины исследователи указывают на отсутствие электроэнергии, а точнее, на отсутствие возможности финансирования строительства электростанций – низкий уровень доходов местного населения делает многие проекты в сфере энергети-

4 Платежный баланс КНР // SAFE // <http://www.safe.gov.cn/safe/2018/0928/10285.html>, дата обращения 24.11.2020 (на китайском).

ки и промышленности убыточными. А для развития любой отрасли промышленности, сферы услуг, транспортной инфраструктуры, потребительского спроса требуется электроэнергия. Замкнутый круг, который и должна разорвать инициатива ОПОП.

Сможет ли Китай профинансировать свои проекты содействия развитию? В отличие от частичной индустриализации большинства стран Юга, китайская энергетическая промышленность сформировала полную отраслевую цепочку от планирования и проектирования, производства оборудования, инженерного строительства до эксплуатации и технического обслуживания. Китай является мировым лидером в области электросетей сверхвысокого напряжения, интеллектуальных электросетей, фотоэлектрического оборудования для производства электроэнергии, обладает собственными технологиями атомной электроэнергетики третьего поколения [Feng et al. 2020].

Поэтому Китай сможет реализовать свои триллионные проекты, но при одном главном условии – если это будет связанная помощь на основе юаневой кредитной эмиссии, предусматривающая использование китайских технологий, оборудования и даже строителей. Исследования подтверждают, что значительная часть как официальной помощи, так и коммерческих инфраструктурных проектов Китая осуществляется именно в виде связанных грантов и кредитов в юанях, по ставкам вплоть до нулевых, не учитывающих принятых в международной практике страновых рисков [Гемуева 2018].

Естественно, произойдет закрепление зависимости стран Юга от экономики КНР через стандарты, технологии, оборудование, комплектующие и обученные Китаем кадры, экспортная ориентация создаваемых произ-

водств приведет к зависимости экономик от доступа товаров на китайский рынок, обострится проблема «воровства умов», местных талантов. Поэтому регулярно появляются обвинения Китая в неокOLONиализме.

Однако это взаимовыгодное сотрудничество, инклюзивная глобализация, т. к. в такой модели успешное развитие стран Юга, искоренение в них бедности приводят к созданию и росту новых рынков и только затем – к росту доходов самого Китая [Han, Webber 2020]. Следуя заповедям Чжоу Эньлая, в отличие от Запада, КНР не раздает деньги, а предоставляет помощь в виде таких проектов, которые дают странам-реципиентам инструменты, генерирующие рост доходов населения. Кроме того, появляется все больше фактов, свидетельствующих о том, что Китай в странах Юга создает предприятия с новыми «зелеными» технологиями, пусть и в старых отраслях. Поэтому большинство лидеров и деловых кругов африканских стран поддерживают планы КНР по развитию континента [Дейч (2) 2020].

Механизмы, формы, направления китайской помощи развитию

Проекты помощи развитию проходят обязательное согласование в трех министерствах КНР: 1) МИД – выработка предложений по общему политическому курсу и базовым концептуальным установкам помощи, ее форм; 2) Министерство торговли – определение экономической целесообразности и объемов помощи, разработка нормативно-правовых документов, непосредственной организации помощи, тендеров и отбор компаний-исполнителей, функция контроля; 3) Министерство финансов – финансовое

обеспечение помощи [Liao et al. 2018]. Все остальные министерства КНР участвуют в согласованиях по мере соответствия профиля деятельности проекту.

В апреле 2018 г. было создано Китайское агентство по международному развитию и сотрудничеству China's International Development Co-operation Agency (CIDCA), которое не является структурой какого-либо министерства, а имеет самостоятельный министерский статус. Руководителем агентства был назначен Ван Сяотао, который с 1986 г. работал в занимающейся макроэкономическим планированием развития Китая Комиссии по развитию и реформам КНР, отвечал за продвижение инициативы ОПОП за рубежом и внутри Китая⁵. Целями CIDCA заявлены координация, планирование, стандартизация, управление помощью и повышение эффективности помощи, но не реализация помощи, которая остается за МИД, Министерством торговли и Минфином. Все это подтверждает осуществление помощи в рамках единого плана внутренней и внешней экономической политики. Кроме того, в одном из интервью г-н Ван заявил, что ранее при оказании помощи Китай уделял мало внимания целям торговли и инвестиций, которые должны стать приоритетными при использовании помощи для усиления влияния Китая в глобальном масштабе⁶.

Почти вся помощь развитию является официальной (правительственной), роль неофициальной (частной) мала. Около 95% помощи является двусторонней, но уже стала заметной и

многосторонней (получатели – 20 международных организаций).

Основным механизмом диалога и сотрудничества является Саммит международного сотрудничества «Один пояс – один путь» (Первый 2017 г., Второй 2019 г.). О высокой степени институционализации свидетельствуют результаты работы Второго саммита, на котором созданы: шесть подфорумов по вопросам добросовестности, цифровых технологий, экологии, инноваций, местного сотрудничества и зон зарубежного экономического и торгового сотрудничества; Конференция предпринимателей; Международный комитет по сотрудничеству аналитических центров ОПОП; Альянс сотрудничества с прессой 86 стран; Альянс юристов «Один пояс – один путь» и другие постоянно действующие институты. На конец 2019 г. Китай подписал 197 документов о сотрудничестве по совместному строительству «пояса и пути» со 137 странами и 30 международными организациями⁷.

Вторым по значимости механизмом можно назвать Форум сотрудничества Китай–Африка (ФСКА), который был создан в 2000 г. и проводится на регулярной основе раз в 3 года. Также успешно работают Форум торгово-экономического сотрудничества Китая и португалоязычных стран (с 2000 г.), Форум китайско-арабского сотрудничества (с 2004 г.), Форум Китай – АСЕАН по социальному развитию и сокращению бедности и другие.

На Седьмом саммите Форума сотрудничества «Китай – Африка» в сентябре 2018 г. в Пекине 39 африканских стран и Ассамблея Африканского Сою-

5 Cornish L. (2018) China's New Aid Agency: What We Know // Devex, April 20, 2018 // <https://www.devex.com/news/china-s-new-aid-agency-what-we-know-92553>, дата обращения 25.11.2020.

6 China International Development Cooperation Agency // <http://en.cidca.gov.cn>, дата обращения 25.11.2020.

7 Годовой отчет Китайской экономической дипломатии за 2019 год. Евразийская ассоциация системных исследований // <https://www.essra.org.cn/view-1000-796.aspx>, дата обращения 25.11.2020 (на китайском).

за подписали соглашение о сотрудничестве в рамках инициативы ОПОП⁸, также были приняты «Пекинская декларация о построении более тесного китайско-африканского сообщества единой судьбы» и «Пекинский план действий ФСКА на 2019–2021 гг.». Этот план называют новой стратегией помощи Африке, он включает⁹:

1. Экономическое сотрудничество: сельское хозяйство; промышленность на основе «Плана сотрудничества в области индустриализации Африки», включающего строительство электростанций, промышленных парков и подготовку кадров; строительство инфраструктуры; сотрудничество в области энергоресурсов; «морскую экономику»; туризм; инвестиционное сотрудничество; торговлю; финансы. В подтверждение гипотезы исследования в Плане подчеркивается наращивание экспортного потенциала Африки, увеличение импорта в Китай африканских товаров, особенно не связанных с природными ресурсами, для чего создан специальный фонд финансирования импорта из Африки в размере 5 млрд долл.

2. Сотрудничество в области социального развития: сопряжение инициативы ОПОП с «Повесткой дня на 2063 г.» Африканского Союза с предоставлением бесплатной помощи, беспроцентных и льготных займов на 15 млрд долл.; медицина и общественное здравоохранение; образование и развитие человеческих ресурсов; обмен опытом сокращения бедности («Китайско-африканский план по сокращению бедности и сотрудничеству в интересах людей», «Проект счастливой жиз-

ни», «Китайско-африканский молодежный проект по сокращению бедности и развитию обмена»); научно-техническое сотрудничество и обмен знаниями («Программа партнерства Китая и Африки 2.0 в области науки и технологий», «Международная программа обмена выдающимися молодыми учеными», «Международная программа молодежных инноваций и предпринимательства»); экологическая защита и реакция на изменение климата.

3. Гуманитарное сотрудничество: культура; новости и СМИ; научные и аналитические центры; неправительственные контакты; молодежь и женщины.

Оценка масштабов китайской помощи развитию

Китай не предоставляет официальных данных о масштабах и условиях предоставления всех видов помощи развитию [Martorano et al. 2020]. По данным, опубликованным Госсоветом КНР, на протяжении 2013–2018 гг. китайская помощь развитию составляла порядка 7 млрд долл. в год, (270,2 млрд юаней за период), в т. ч. на гранты пришлось 47%, на беспроцентные займы – 4%, на льготные займы – 49% ее объема¹⁰.

По оценке ОЭСР, в 2018 г. китайская помощь развитию составила 4,4 млрд долл., в 2017 г. – 4,8 млрд долл.; в т. ч. многосторонняя помощь – 1,4 млрд долл., 74% которой оказано через региональные банки развития, 26% – ООН. По другим оценкам, ежегодные объемы китайской помощи содействия разви-

8 Xia Yuanyuan (2018) China to Host FOCAC Summit in 2018 // http://www.chinafrica.cn/Africa/201801/t20180103_800113602.html, дата обращения 26.11.2020.

9 Пекинский план действий (2019–2021) // http://www.cidca.gov.cn/2018-09/07/c_129949203.htm, дата обращения 26.11.2020 (на китайском).

10 China's International Development Cooperation in the New Era (2021) // The State Council Information Office of the People's Republic of China, January 10, 2021 // http://www.xinhuanet.com/english/2021-01/10/c_139655400.htm, дата обращения 18.01.2021.

тию достигают 38 млрд долл. При этом вся помощь КСР ОЭСР в 2018 г. составила 152,8 млрд долл.

В материалах ООН отмечается, что с участием Китая осуществляется 56% всех проектов ООН в рамках сотрудничества Юг – Юг, а КНР стала лидером в продвижении этого сотрудничества и вносит основной вклад в реализацию ЦУР до 2030 г. ПРООН, т. к. Китай предоставил 400 млрд юаней помощи 166 странам, направил 600 тыс. сотрудников для оказания помощи, обязался выделить еще 60 млрд долл. для африканских стран в 2019–2021 гг., в сотрудничестве с ФАО оказал помощь двум миллионам фермерам стран Юга¹¹.

У исследователей китайской помощи наиболее популярна база данных AidData's Global Chinese Official Finance Dataset, 2000–2014, Version 1.0, созданная лабораторией AidData при Глобальном исследовательском институте Уильяма и Мэри, в которой по крупницам собирается и систематизируется вся информация, какую только можно найти из открытых источников¹². Так, в рамках национальной программы помощи развитию в 2000–2014 гг. Китай профинансировал более 4 300 проектов на сумму 354 млрд долл., из них под определение ОПР ОЭСР подпадает помощь в размере 81 млрд долл. (Для сравнения: США за тот же период оказали помощи развитию на 394 млрд долл., в т. ч. 366 млрд долл. – подпадающих под ОПР ОЭСР). Среди главных направлений помощи оказались поставки материалов и товаров, отправка в страны-реципиенты медиков, техническое сотрудничество, списание дол-

говых обязательств, оказание гуманитарной помощи, сотрудничество в сфере развития человеческих ресурсов, волонтерские программы за рубежом. Основными получателями помощи Китая в 2011–2014 гг. стали Кот-д'Ивуар, Танзания, Эфиопия, Камерун, Мозамбик, Зимбабве, Нигерия, Киргизия, Шри-Ланка и Нигер.

В настоящее время исследователи AidData изучают, как инициатива ОПОП повлияла на объем, направление и сроки китайского финансирования развития, в т. ч. политическими и государственными коммерческими банками, государственными предприятиями и учреждениями КНР, и скоро опубликуют новый глобальный набор данных. В декабре 2019 г. уже вышло первое исследование в рамках нового проекта¹³. Помимо Африки южнее Сахары, особенно Восточной Африки, стало заметным еще одно равно приоритетное географическое направление – страны АСЕАН. Важное место в китайской помощи развитию стран АСЕАН, особенно расположенных в бассейне Меконга (Камбоджа, Лаос, Мьянма, Вьетнам, Таиланд), подтверждается и другим исследованием [Королев 2017].

При этом за 2000–2017 гг. китайскими компаниями за рубежом были построены 462 электростанции суммарной мощностью 81 ГВт, что стало главным отраслевым вектором инициативы ОПОП в развивающихся странах [Li et al. 2020]. И за каждым сообщением о запуске новой электростанции стоят фразы, что столько-то миллионов человек впервые получили доступ к электричеству. Исследователи приходят

11 UN Secretary-General António Guterres Commends China's Leadership in South-South Cooperation (2017) // UNSouthSouth, August 23, 2017 // <https://www.unsouthsouth.org/2017/08/23/un-secretary-general-antonio-guterres-commends-chinas-leadership-in-south-south-cooperation/>, дата обращения 27.11.2020.

12 A Research Lab at William & Mary // AidData // <https://www.aiddata.org/data/chinese-global-official-finance-dataset>, дата обращения 27.11.2020.

13 Silk Road Diplomacy: Deconstructing Beijing's Toolkit to Influence South and Central Asia // AidData // https://docs.aiddata.org/ad4/pdfs/Silk_Road_Diplomacy_Executive_Summary.pdf, дата обращения 27.11.2020.

к интересному выводу о том, что участие Китая в развитии энергетического сектора Африки можно разделить на два этапа. На первом, с конца 1990-х гг., осуществлялось финансирование с целью доступа к природным ресурсам для удовлетворения быстрорастущего спроса на сырье «мировой фабрики». На втором этапе, в 2010-е гг., реализуются проекты, связанные с передачей электроэнергетики и развитием промышленности на континенте [Shen 2020].

Наибольший вклад в энергетическое строительство КНР вносит Госкорпорация State Grid, которая построила 10 трансграничных линий электропередач совокупной мощностью 27 млрд кВт·ч, осуществила поставки оборудования в 103 страны на 43 млрд долл., взяла на себя инициативу по превращению технологических преимуществ Китая в международные стандарты, уже установила 43 международных стандарта *Международной электротехнической комиссии*, 18 международных стандартов *Института инженеров по электротехнике и электронике* (IEEE).

Можно долго перечислять реализованные проекты Китая. Но важно отметить, что это даже не проекты, а комплексные трансграничные стратегии развития: Субрегиональная транспортная стратегия Большого Меконга на период до 2030 г., Стратегия развития железной дороги Центрально-Азиатского регионального экономического сотрудничества (2030 г.), Стратегический план транспортного сотрудничества между Китаем и АСЕАН, Специальный план транспортной инфраструктуры Китайско-Пакистанского экономического коридора и др.

К началу 2020 г. Китай построил 62 порта и приобрел или взял в управление 54 порта за рубежом. Практически везде создаются Специальные экономические зоны (СЭЗ) и промыш-

ленные парки, т. е. Китай реализует экспортно ориентированную модель «порт – парк – город», впервые апробированную в СЭЗ Шэньчжэнь. Западный подход институционального строительства не дал результатов из-за несоответствия между долгосрочными решениями и насущными потребностями. Китай передает проверенный опыт своего развития, а затем проводит эксперименты, адаптирует его к странам, что эффективнее способствует сокращению масштабов нищеты и развитию.

Китай использует различную тактику сотрудничества с развивающимися странами исходя из их индивидуальных политических и природных условий, однако можно выделить некоторые общие закономерности проникновения КНР в страны Юга. Первыми по времени, как правило, осуществляются крупные проекты в электроэнергетике, затем осуществляется строительство транспортной инфраструктуры, после чего появляется китайский малый и средний бизнес. Российские китаисты проводят аналогию такого внедрения в Африку с японским опытом, когда одна госкорпорация приводит за собой целую «стаю» компаний, и, таким образом, один проект помощи имеет несколько целей, связанных с развитием национальной экономики донора [Игнатъев, Луконин 2018].

Индустриализация требует высвобождения рабочей силы из аграрного сектора экономики, для чего Китай осуществляет Программу распространения гибридного риса, с помощью которой обещает полностью решить проблему голода в Африке до 2030 г. Китайские селекционеры разрабатывают для каждого типа климата стран Юга специальные сорта риса, в результате чего урожайность повышается в 3–4 раза, до 11 т с гектара, и голодающие страны получают возможности не только достичь самообеспеченности, но и раз-

вить экспорт риса¹⁴. В 2019 г. на Мадагаскаре КНР открыла первый НИИ гибридного риса в Африке.

Исследования подтверждают, что Китай выполняет свои обещания (импорт из Африки и стран АСЕАН растет), что конечная цель китайских проектов в Африке – производство потребительских товаров. Было выявлено, что большая часть из 10 тыс. китайских компаний в Африке построили заводы и производят продукцию, которая составляет 12% всего промышленного производства Африки, прежде всего предметы потребления, которые недавно экспортировались из Китая в Африку¹⁵.

Проявились первые результаты выноса производственных мощностей из Китая в страны Юга. За 2008–2018 гг. доля производственных предприятий в числе всех юридических лиц КНР уменьшилась с 26 до 15%. За тот же период иностранные ТНК закрыли в Китае 53 тыс. заводов, но взамен открыли 200 тыс. новых филиалов, преимущественно в сфере НИОКР, информационно-коммуникационных технологий и деловых услуг. Доля китайских предприятий в этих же отраслях увеличилась с 11 до 22%. Число научно-исследовательских организаций КНР удваивается каждые 3 года: 325 тыс. в 2012 г., 661 тыс. в 2015 г., 1 276 тыс. в 2018 г.¹⁶ Аналогичные тренды видны и в структуре занятости. Это и есть подтверждение тому, что Китай вступил в активную стадию постиндустриализации, чему во многом способствуют успехи в промышленном развитии стран Юга.

Проблемы и перспективы: путь к китайскому или многополярному миру?

Почему Китай скрывает данные о масштабах своей помощи? Ученые выявили предпочтение Пекина заключению закулисных сделок с местными политиками. Анализ данных о местах рождения 117 африканских лидеров и дислокации 1 650 китайских проектов развития в Африке в 2000–2012 гг. показал, что большинство проектов реализовалось в регионах рождения политических лидеров в те годы, когда они находились у власти или перед выборами. Такой зависимости нет в помощи другим странам [Dreher et al. 2019]. Можно предположить, что, не афишируя помощь, Китай «сохраняет лицо» национальных лидеров стран Юга в глазах избирателей и мирового сообщества, создает им репутацию успешных хозяйственников. Также вероятно, что КНР остерегается отпугнуть участников инициативы ОПОП масштабами помощи и комплексностью своих планов глобального лидерства, на фоне которых смешно говорить о равном партнерстве. Наконец, остается дискуссионным вопрос о коррупционной составляющей, ведущей к завышению объемов и стоимости помощи, а главное, опасности чрезмерных кредитов, которые страны Юга будут возвращать поставками сырьевых товаров по заниженным ценам либо передачей Китаю стратегически важных инфраструктурных объектов, как это уже произошло в ряде стран Восточной Африки и Шри-Ланке.

Более важный вопрос, который должен беспокоить страны Юга, – позво-

14 «Общая мечта»: гибридный рис дает людям пищу (2020) // Министерство торговли Китайской Республики. 24 июня 2020 // <http://www.mofcom.gov.cn/article/i/jyjl/k/202006/20200602976889.shtml>, дата обращения 27.11.2020 (на китайском).

15 Chinese Firms Boost Presence in Africa // DW // <https://www.dw.com/en/chinese-firms-boost-presence-in-africa/a-39443256>, дата обращения 27.11.2020.

16 Рассчитано по данным National Bureau of Statistics of China // <https://data.stats.gov.cn/>, дата обращения 27.11.2020 (на китайском).

лит ли участие в инициативе ОПОП развиваться промышленности вне китайских ГЦС? Вынос производственных мощностей развитых стран привел к успехам догоняющей модели развития всего лишь в нескольких странах. В остальных созданные СЭЗ превратились в анклав, связанные с экономикой доноров, а не с национальной экономикой. В свою очередь, неспособность стран Юга принять китайскую помощь может сорвать планы постиндустриализации КНР.

Другой вопрос – как быстро Китай столкнется с желанием разбогатевшей Африки освободиться от опеки и ГЦС своего спонсора? На примере КНР как реципиента ОПР ОЭСР виден полный провал ожиданий доноров. Китай получил 45 млрд долл. от Японии в 1979–2008 гг. (60% всей ОПР от КСР ОЭСР), но Япония не достигла ни одной экономической или политической цели. Напротив, КНР в ООН голосовала против японских инициатив, а в китайских СМИ ни разу не упомянули о том, что Япония оказывала помощь [Ковригин 2012].

Исследователи отмечают, что по объемам финансирования развития Китай сравнялся с США и способен их заменить в качестве глобального финансового лидера [Humphrey, Michaelowa 2019]. Европейский Союз ослаблен после выхода Британии. Создание 15 ноября 2020 г. крупнейшей ЗСТ мира «Всестороннее региональное экономическое партнерство» (ВРЭП), в которой Китай объединился с Японией и Республикой Корея, называют усилением Китая и крупнейшей победой его экономической дипломатии¹⁷.

До сих пор подъем КНР обострял борьбу со странами Запада за рынки развивающихся стран, за умы их элит,

т. е. содействовал конкуренции и развитию, формированию многополярного мира, в результате чего за последнее десятилетие страны Юга получили рекордные объемы помощи. Запланированный рост доходов китайцев до уровня развитых стран означает, что его вес в мировой экономике, пропорционально количеству населения, превзойдет вес всех стран Запада, вместе взятых. В таком случае возникает риск возникновения биполярного мирового хозяйства, а если триада не сможет объединиться, то одной сверхдержавы. Эксперты уже видят многочисленные признаки такого ускоренного движения к биполярному мироустройству [Фитуни 2019]. История учит, что такие сценарии приводят к разделу сфер влияния и консервации уровня развития.

В сохранении многополярного мира заинтересованы прежде всего многочисленные небольшие страны. Выживание и сохранение экономического суверенитета малых наций в будущем напрямую зависит от их выбора сегодня: не замыкаться на сотрудничестве с одним донором, работать одновременно со всеми конкурирующими державами.

Таким образом, в статье показано, как китайская помощь развитию стран Юга способствует активной постиндустриализации экономики КНР, а также вносит вклад в решение проблемы равновесия платежного баланса.

Новым рубежом в эволюции китайской помощи развитию, тестированием самого Китая на готовность к глобальному лидерству и способность реализовать цели модернизации национальной экономики может стать эпоха COVID-19. CIDCA объявил об усилении двусторон-

17 Подписание ВРЭП: стратегическая победа экономической дипломатии Китая (2020) // ESSRA. 16 ноября 2020 // <https://www.essra.org.cn/view-1000-1470.aspx>, дата обращения 27.11.2020 (на китайском).

ней и многосторонней помощи: Пекин готов выделить 2 млрд долл. на поддержку государств, пострадавших от пандемии, отправил команды медиков и медицинское оборудование в 150 стран, объявил о внесении 100 млн долл. в гуманитарную систему ООН, а также обязался внести дополнительный взнос 50 млн долл. во Всемирную организацию здравоохранения¹⁸. В новом исследовании Т. Дейч можно более подробно ознакомиться с размахом китайской помощи странам Юга в борьбе с COVID-19 и возникающими вызовами реализации инициативы ОПОП [Дейч (1) 2020].

Список литературы

- Борох О., Ломанов А. (2020) Китайский путь реформ в условиях глобализации // *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 64. № 6. С. 66–75. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-6-66-75
- Великая экономическая шахматная доска, что делать Китаю (2019). Пекин: Аналитический центр Агентства Синьхуа (на китайском).
- Гемуева К.А. (2018) Китайские инфраструктурные проекты в странах Африки южнее Сахары: кредитное финансирование // *Контурсы глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. Т. 11. № 5. С. 55–73. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-5-55-73
- Дегтерев Д.А., Трусова А.А., Черняев М.С., Ли Янь (2018) Приоритетные направления российской и китайской помощи в целях развития странам Азии и Африки: сравнительно-сопоставительный анализ // *Вестник РУДН. Серия: Международные отношения*. Т. 18. № 4. С. 888–905. DOI: 10.22363/231306602018184888905
- Дейч Т.Л. (1) (2020) Китай и Африка в борьбе с COVID-19 // *Контурсы глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. Т. 13. № 5. С. 57–72. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-5-4
- Дейч Т. (2) (2020) Место Африки в инициативе Китая «Один пояс, один путь» // *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 64. № 2. С. 118–127. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-2-118-127
- Епихина Р.А. (2019) Роль электроэнергетики во внешнеэкономической экспансии КНР // *Контурсы глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. Т. 12. № 6. С. 188–202. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-6-9
- Игнатъев С., Луконин С. (2018) Инвестиционные связи Китая со странами Африки // *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 62. № 10. С. 5–12. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-10-5-12
- Калашников Д.Б. (2020) ТНК Китая в модернизации национальной экономики. М.: РУСАЙНС.
- Капица Л.М. (ред.) (2013) Иностранная помощь. М.: МГИМО-Университет.
- Ковригин Е.Б. (2012) Япония – Китай: официальная помощь развитию как инструмент экономического взаимодействия // *Пространственная экономика*. № 3. С. 9–33 // http://spatial-economics.com/eng/images/spatial-economics/3_2012/SE.2012.3.009-033.Kovrigin.pdf, дата обращения 22.02.2021.
- Королев А.С. (2017) Помощь Китая Юго-Восточной Азии: основные направления и особенности // *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. № 37. С. 45–61 // <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/218848575.pdf>, дата обращения 22.02.2021.
- Фитуни Л.Л. (2019) На пути к новой биполярности: геоэкономика и геополитика

18 Kurtzer J. (2020) China's Humanitarian Aid: Cooperation Amidst Competition // CSIS, November 17, 2020 // <https://www.csis.org/analysis/chinas-humanitarian-aid-cooperation-amidst-competition>, дата обращения 27.11.2020

тика противостояния в Африке // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 12. № 3. С. 6–29. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-3-6-29

Carter B. (2017) Literature Review on China's Aid. K4D Helpdesk Report, Brighton, UK: Institute of Development Studies.

Dong Y., Fan C. (2020) The Role of China's Aid and ODI in the Economic Growth of African Countries // Emerging Markets Review, vol. 44, September. 100713. DOI: 10.1016/j.ememar.2020.100713

Dreher A., Fuchs A., Tierney M. (2019) African Leaders and the Geography of China's Foreign Assistance // Journal of Development Economics, vol. 140, September, pp. 44–71. DOI: 10.1016/j.jdeveco.2019.04.003

Feng T., Gong X., Guo Y., Yang Y., Pan B., Li S., Dong J. (2020) Electricity Cooperation Strategy between China and ASEAN Countries under “The Belt and Road” // Energy Strategy Reviews, vol. 30, July. 100512. DOI: 10.1016/j.esr.2020.100512

Guillon M., Mathonnat J. (2020) What Can We Learn on Chinese Aid Allocation Motivations from Available Data? A Sectorial Analysis of Chinese aid to African Countries // China Economic Review, vol. 60, April. 101265. DOI: 10.1016/j.chieco.2019.01.004

Han X., Webber M. (2020) From Chinese Dam Building in Africa to the Belt and Road Initiative: Assembling Infrastructure Projects and Their Linkages // Political Geography, vol. 77, March. 102102. DOI: 10.1016/j.polgeo.2019.102102

Hernandez D. (2016) Are “New” Donors Challenging World Bank Conditionality? // AidData. Working Paper. No 19 // http://docs.aiddata.org/ad4/files/wps19_are_new_donors_challenging_world_bank_conditionality.pdf, дата обращения 22.11.2020.

Huang Q. (2019) The Process of Industrialization of New China from the Perspective of Centenary Goals // Economic Research Journal, no 9, pp. 18–22 (на китайском).

Humphrey C., Michaelowa K. (2019) China in Africa: Competition for Traditional Development Finance Institutions? // World Development, vol. 120, pp. 15–28. DOI: 10.1016/j.worlddev.2019.03.014

Li Z., Gallagher K., Mauzerall D. (2020) China's Global Power: Estimating Chinese Foreign Direct Investment in the Electric Power Sector // Energy Policy, vol. 136, January. 111056. DOI: 10.1016/j.enpol.2019.111056

Liao J., Cheng F., Xu D., Harris A. (2018) The New Face of China's Foreign Aid: Where Do We Go from Here? // The Lancet, August 25, 2018. DOI: 10.1016/S0140-6736(18)31496-X

Liu Z., Schindler S., Liu W. (2020) Demystifying Chinese Overseas Investment in Infrastructure: Port Development, the Belt and Road Initiative and Regional Development // Journal of Transport Geography, vol. 87, July. 102812. DOI: 10.1016/j.jtrangeo.2020.102812

Martorano B., Metzger L., Sanfilippo M. (2020) Chinese Development Assistance and Household Welfare in Sub-Saharan Africa // World Development, vol. 129, May. 104909. DOI: 10.1016/j.worlddev.2020.104909

Remler D., Yu Y. (eds.) (2017) Parallel Perspectives on the Global Economic Order. A U.S.-China Essay Collection // https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/publication/170922_Remler_ParallelPerspectives_Web.pdf, дата обращения 24.11.2020.

Savin I., Marson M., Sutormina M. (2020) How Different Aid Flows Affect Different Trade Flows: Evidence from Africa and Its Largest Donors // Structural Change and Economic Dynamics, vol. 55, pp. 119–136. DOI: 10.1016/j.strueco.2020.08.004

Shen W. (2020) China's Role in Africa's Energy Transition: A Critical Review of Its Intensity, Institutions, and Impacts // Energy Research & Social Science, vol. 68, October. 101578. DOI: 10.1016/j.erss.2020.101578

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-2-11

Chinese Aid to the Industrial Development of the South: Input into Post-Industrialization of China

Denis B. KALASHNIKOV

PhD in Economics, Senior Lecturer, Department of World Economy
MGIMO-University, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, 119454,
Vernadsky Av., 76, Moscow, Russian Federation
E-mail: d.kalashnikov@inno.mgimo.ru
ORCID: 0000-0002-1120-0054

CITATION: Kalashnikov D.B. (2021) Chinese Aid to the Industrial Development of the South: Input into Post-Industrialization of China. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no 2, pp. 195–213 (in Russian).
DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-2-11

Received: 07.12.2020.

ABSTRACT. *The article discusses the true goals and benefits of China's assistance to the South. A hypothesis reveals the relationship between China's transition to an innovative development model and its interest in the industrialization of the least developed countries. The tasks of modernizing the economy and the national interests of China in the context of the modern international labor division are analyzed. To ensure the growth of incomes of the population to the level of developed countries, the creation of a post-industrial structure of the economy is required. This means that a number of industrial functions must be transferred to such backward countries that, without Chinese capital and technology, are not able to industrialize. In addition, for China, the problem of equilibrium of the balance of payments is urgent, the solution to which is to increase imports of simple goods and make direct investments within the Chinese Global Value Chains. Analysis of directions and first results of Chinese development assistance confirmed its important contribution to solving these*

problems, as well as its systemic nature within the framework of the Belt and Road Initiative. The Initiative coordinates the construction of power plants, all types of infrastructure, and on their basis the development of industry and consumption under the control of Chinese companies. Therefore, all types of grants or concessional assistance to the South can be considered as investments into the development of the Chinese economy, which has gone beyond national borders. At the same time, participation in the Initiative brings benefits and growth prospects up to the level of the modern PRC for the most backward countries, but does not create growth opportunities for countries with already developed industry and an average standard of living, on the contrary, it reduces their space for post-industrialization.

KEYWORDS: *foreign aid, national interests, official development assistance, South-South cooperation, system of world economy, Africa, China, Belt and Road Initiative*

References

- Borokh O., Lomanov A. (2020) China's Path of Reform under Conditions of Globalization. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 64, no 6, pp. 66–75 (in Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-6-66-75
- Carter B. (2017) *Literature Review on China's Aid. K4D Helpdesk Report*, Brighton, UK: Institute of Development Studies.
- Degterev D.A., Trusova A.A., Cherniaev M.S., Li Yan (2018) Priorities of Russian and Chinese Development Cooperation to Asia and Africa: A Comparative Analysis. *Vestnik RUDN. International Relations*, vol. 18, no 4, pp. 888–905 (in Russian). DOI: 10.22363/231306602018184888905
- Deych T.L. (1) (2020) China and Africa in the Fight against COVID-19. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 5, pp. 57–72 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-5-4
- Deich T. (2) (2020) Africa's Place in the Chinese Initiative "One Belt, One Road". *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 64, no 2, pp. 118–127 (in Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-2-118-127
- Dong Y., Fan C. (2020) The Role of China's Aid and ODI in the Economic Growth of African Countries. *Emerging Markets Review*, vol. 44, September. 100713. DOI: 10.1016/j.ememar.2020.100713
- Dreher A., Fuchs A., Tierney M. (2019) African Leaders and the Geography of China's Foreign Assistance. *Journal of Development Economics*, vol. 140, pp. 44–71. DOI: 10.1016/j.jdeveco.2019.04.003
- Epikhina R.A. (2019) The Role of Electric Power Sector in China's Global Economic Expansion. *Global Infrastructure in the Digital Age. Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 12, no 6, pp. 188–202 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-6-9
- Feng T., Gong X., Guo Y., Yang Y., Pan B., Li S., Dong J. (2020) Electricity Cooperation Strategy between China and ASEAN Countries under "The Belt and Road". *Energy Strategy Reviews*, vol. 30, July. 100512. DOI: 10.1016/j.esr.2020.100512
- Fituni L.L. (2019) Towards a Neo-bipolar Model of the World Order: Scouting Game in Africa. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 12, no 3, pp. 6–29 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-3-6-29
- Gemueva K.A. (2018) Chinese Infrastructure Projects in Sub-Saharan Africa: Credit Financing. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 11, no 5, pp. 55–73 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-5-55-73
- Guillon M., Mathonnat J. (2020) What Can We Learn on Chinese Aid Allocation Motivations from Available Data? A Sectorial Analysis of Chinese aid to African Countries. *China Economic Review*, vol. 60, April. 101265. DOI: 10.1016/j.chieco.2019.01.004
- Han X., Webber M. (2020) From Chinese Dam Building in Africa to the Belt and Road Initiative: Assembling Infrastructure Projects and Their Linkages. *Political Geography*, vol. 77, March. 102102. DOI: 10.1016/j.polgeo.2019.102102
- Hernandez D. (2016) Are "New" Donors Challenging World Bank Conditionality? *AidData*. Working Paper. No 19. Available at: http://docs.aiddata.org/ad4/files/wps19_are_new_donors_challenging_world_bank_conditionality.pdf, accessed 22.11.2020.
- Huang Q. (2019) The Process of Industrialization of New China from the Perspective of Centenary Goals. *Economic Research Journal*, no 9, pp. 18–22 (in Chinese).
- Humphrey C., Michaelowa K. (2019) China in Africa: Competition for Traditional Development Finance Institutions? *World Development*, vol. 120, pp. 15–28. DOI: 10.1016/j.worlddev.2019.03.014
- Ignat'ev S., Lukonin S. (2018) China's Investment Relations with Af-

- rican Countries. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 62, no 10, pp. 5–12 (in Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-10-5-12
- Kalashnikov D.B. (2020) *China's Transnational Companies in Modernization of Its Economy*, Moscow: RuScience (in Russian).
- Kapitza L.M. (ed.) (2013) *Foreign Aid*, Moscow: MGIMO-University (in Russian).
- Korolev A.S. (2017) Chinese Aid Policy towards Southeast Asia: The Main Directions and Features. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya*, no 37, pp. 45–61. Available at: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/218848575.pdf>, accessed 22.02.2021 (in Russian).
- Kovrigin E.B. (2012) Japan – China: Official Development Assistance as a Tool of Economic Interaction. *Spatial Economics*, no 3, pp. 9–33. Available at: http://spatial-economics.com/eng/images/spatial-economics/3_2012/SE.2012.3.009-033.Kovrigin.pdf, accessed 22.02.2021 (in Russian).
- Li Z., Gallagher K., Mauzerall D. (2020) China's Global Power: Estimating Chinese Foreign Direct Investment in the Electric Power Sector. *Energy Policy*, vol. 136, January. 111056. DOI: 10.1016/j.enpol.2019.111056
- Liao J., Cheng F., Xu D., Harris A. (2018) The New Face of China's Foreign Aid: Where Do We Go from Here? *The Lancet*, August 25, 2018. DOI: 10.1016/S0140-6736(18)31496-X
- Liu Z., Schindler S., Liu W. (2020) Demystifying Chinese Overseas Investment in Infrastructure: Port Development, the Belt and Road Initiative and Regional Development. *Journal of Transport Geography*, vol. 87, July. 102812. DOI: 10.1016/j.jtrangeo.2020.102812
- Martorano B., Metzger L., Sanfilippo M. (2020) Chinese Development Assistance and Household Welfare in Sub-Saharan Africa. *World Development*, vol. 129, May. 104909. DOI: 10.1016/j.worlddev.2020.104909
- Remler D., Yu Y. (eds.) (2017) *Parallel Perspectives on the Global Economic Order. A U.S.-China Essay Collection*. Available at: https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/publication/170922_Remler_ParallelPerspectives_Web.pdf, accessed 24.11.2020.
- Savin I., Marson M., Sutormina M. (2020) How Different Aid Flows Affect Different Trade Flows: Evidence from Africa and Its Largest Donors. *Structural Change and Economic Dynamics*, vol. 55, pp. 119–136. DOI: 10.1016/j.strueco.2020.08.004
- Shen W. (2020) China's Role in Africa's Energy Transition: A Critical Review of Its Intensity, Institutions, and Impacts. *Energy Research & Social Science*, vol. 68, October. 101578. DOI: 10.1016/j.erss.2020.101578
- The Economic Grand Chessboard, What Should China Do* (2019), Beijing: Xinhua News Agency Think Tank (in Chinese).